

Писарев Алексей Евгеньевич

**БОЕСПОСОБНОСТЬ МОСКОВСКИХ СТРЕЛЬЦОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВВ.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва

2017

Работа выполнена на кафедре истории России средневековья и раннего нового времени Историко-архивного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

Научный руководитель: **Юрганов Андрей Львович,**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Санин Геннадий Александрович, доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт российской истории Российской академии наук, Центр «Россия в международных отношениях», ведущий научный сотрудник

Курбатов Олег Александрович, кандидат исторических наук, Федеральное Архивное Агентство Российский государственный архив древних актов, архивохранилище Центральных учреждений XVIII века, заведующий

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профильного образования Уральский Федеральный Университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Защита диссертации состоится 19 мая 2017 г. в 16.00 на заседании диссертационного совета Д.212.198.07 (по историческим наукам) в Российском государственном гуманитарном университете по адресу: 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская пл., д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского государственного гуманитарного университета по адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6, и на сайте РГГУ по адресу: <http://dissovet.rggu.ru/section.html?id=12531>

Автореферат разослан «   » _____ 2017 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета

Елена Владимировна Барышева

Общая характеристика работы

Актуальность темы диссертационного исследования

Актуальность настоящего диссертационного исследования обусловлена проблемой определения боеспособности вооруженных сил государства и отдельных родов войск в конкретную историческую эпоху.

Московские стрельцы в работах специалистов дореволюционной и советской исторической науки практически всегда фигурировали в предвзятом сравнении с панегирической оценкой армии Петра I и носили ярлык «отсталых» войск, «утративших боеспособность». «Отсталость» определялась принадлежностью стрелецкого корпуса к вооруженным силам «старой» России. Армия Петра I считалась безусловно «прогрессивной», «передовой» и «боеспособной», потому что относилась к «новой», петровской России.

Петр I создал новое государство и вооруженные силы, т.к. старые органы управления, законы, социальная структура и войска России не могли выполнить глобальную стратегическую задачу превращения государства в передовую морскую державу. Царю требовалась новая эффективная армия при минимуме затрат на обучение и вооружение. При создании такой армии был максимально использован опыт и кадры московских стрельцов, но сами стрелецкие полки, при всей их признаваемой современниками эффективности, были заменены на солдатские. Поэтому критика московских стрельцов не способна раскрыть всей глубины проблемы боеспособности московского стрелецкого корпуса как рода войск.

Необходимость определения боеспособности московских стрельцов с точки зрения их современников позволила по-новому поставить вопрос необходимости более глубокого изучения истории московского стрелецкого корпуса. Особенный интерес вызывает история стрельцов второй половины XVII – начала XVIII вв., в эпоху наивысшего расцвета традиционной России при Алексее Михайловиче и во время реформ Федора Алексеевича и Петра I.

Объект исследования

Объектом настоящего исследования является боеспособность московского стрелецкого корпуса во второй половине XVII – начале XVIII вв.

Предмет исследования

Предметом настоящего исследования является динамика изменений боеспособности московского стрелецкого корпуса во второй половине XVII – начале XVIII вв.

Цель и задачи исследования

Цель – изучение динамики изменений боеспособности московских стрельцов второй половины XVII – начала XVIII вв.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

1) определены значение и критерии термина «боеспособность» с точки зрения российской государственной власти второй половины XVII – начала XVIII вв.;

2) установлен социальный статус московских стрельцов второй половины XVII – начала XVIII вв.; выявлены аспекты их индивидуальной и групповой профессиональной подготовки на предмет соответствия критериям боеспособности;

3) исследованы факты участия московского стрелецкого корпуса во внешних и внутренних военных конфликтах второй половины XVII – начала XVIII вв. на предмет соответствия московских стрельцов выявленным критериям боеспособности; выявлена динамика изменений критериев боеспособности;

4) изучена динамика развития московского стрелецкого корпуса во второй половине XVII – начале XVIII вв.

Новизна диссертационного исследования

Новизна настоящей диссертации состоит в том, что это первое специализированное исследование по проблеме боеспособности московских стрельцов второй половины XVII – начала XVIII вв., в котором выявлена динамика изменений требований государства к боеспособности московского

стрелецкого корпуса, определена специфика социально-политического и экономического положения стрельцов, проанализирован процесс синтеза стрелецких приказов и солдатских полков.

В историографической традиции критериями заведомо негативной оценки боеспособности московского корпуса служили факты участия стрельцов в политических кризисах конца XVII в., а также создание Петром I армии нового образца. Термин «боеспособность» объяснялся с точки зрения исследователей, а не современников московских стрельцов. Динамика развития московского корпуса вообще отрицалась некоторыми историками, противопоставлявших стрельцам солдат «нового строя» и армию Петра I.

В настоящем диссертационном исследовании были впервые выявлены критерии боеспособности московских стрельцов второй половины XVII – начала XVIII вв. с точки зрения современников: морально-этические – безусловная верность присяге, стойкость на поле боя при любых обстоятельствах, дисциплина; профессиональные – умение быстро и метко стрелять и умение стрелецких приказов вести залповый огонь.

Изучена и введена в научный оборот группа архивных источников, в т.ч.: книги раздачи стрелецкого жалованья, отписки стрелецких голов и сотников, наказные памяти и т.д., позволившая обоснованно доказать неубедительность и предвзятость сложившихся в отношении московских стрельцов историографических штампов. На основании данных источников установлено, что критерии боеспособности московских стрельцов подвергались изменениям в течение времени и были тесно связаны с общим процессом развития государства и его вооруженных сил.

Методология и методы исследования

В диссертации использованы идеи методологии источниковедения культуры, высказанные А.Л. Юргановым, такие как саморефлексия исследователя при работе с источником, примат источника над доопытной рефлексией историка и ряд других. Эти идеи позволили провести анализ

источников как вне зависимости от сложившейся историографической традиции в отношении стрельцов, так и вне критики этой традиции.

В диссертационной работе использованы историко-сравнительный, проблемно-хронологический, историко-типологический и историко-системный методы исторического исследования, с помощью которых осуществлен источниковедческий анализ исторических и историографических источников.

Необходимо отметить использование метода комплексной исторической реконструкции, позволившего воссоздать технику стрельбы, тактических перестроений, стрелецкой униформы, вооружения и т.д.

Степень разработанности проблемы

Историография изучаемой проблемы хронологически делится на дореволюционную, советскую и современную.

Дореволюционная историография

До появления работы С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» историки не рассматривали вопросы, связанные со стрельцами. Так, книга В.Н. Татищева «История Российская с самых древнейших времен» посвящена исключительно древней истории России. В работах Н.М. Карамзина есть только одно высказывание о стрельцах, снабженное негативной характеристикой. Своим замечанием историк положил начало сакрализации любых действий Петра I и огульной критике московских стрельцов.

Дальнейшее развитие эта «антистрелецкая» линия историографии получила в работе М.П. Погодина. Историк упомянул о стрельцах в статье о Петре I. Погодин задавался целью исследовать проблематику стрелецкой истории. Его статья является полемическим текстом - перечнем успехов Петра I, прославлением его достижений. Критика стрельцов была построена так, что казалась не вызывающей сомнений. Сравнения с опричниками, преторианцами и намек на янычар были призваны вызвать в сознании читателя или слушателя аналогии, прямо доказывающие, что стрельцы – это

варварское, анахроничное войско. Эти риторические формулы были приняты последователями Погодина, как абсолютная истина. Погодинская точка зрения оказала большое влияние на исторические взгляды Соловьева.

Очерки И.Д. Беляева и Н.Г. Устрялова об общем состоянии и облике вооруженных сил России XVII в. рассказывают о стрельцах и прочих воинах допетровской России. Обе работы носят исключительно описательный характер. Источниковая база этих исследований не была широкой, т.к. авторы пользовались ранее опубликованными материалами Археографической комиссии.

Следует отметить фундаментальный труд А.В. Висковатова, в котором автору удалось собрать и опубликовать сведения, касающиеся униформы и оружия русской армии периода X-XIX вв. Висковатов подробно изучил стрелецкую униформу и знамёна по материалам записок Котошихина, Пальмквиста, Мейерберга, Паерле и других, а также источников из фондов Оружейной палаты. А.В. Висковатов явился новатором в избранной им теме, поскольку ни один исследователь ранее не останавливался на вопросах стрелецкой униформы. На долгие годы работа Висковатова была признана образцовой.

Среди дореволюционных работ, посвящённых проблемам Российского государства XVII в., следует выделить труд С.М. Соловьева «История России с древнейших времен». Факты царствования первых Романовых рассматривались историком сквозь призму сформулированного М.П. Погодиным догмата об абсолютной необходимости и непогрешимости петровских реформ. Соловьев не ставил перед собой цель изучить состояние вооруженных сил России середины-конца XVII в. История стрелецкого войска его интересовала только в рамках развития общей концепции кризиса в России, который был преодолен гением Петра I. Поэтому историк дал общую характеристику всех стрельцов. Для Соловьева не имела значения разница между всем стрелецким сословием и строевыми подразделениями, между городскими и московскими стрельцами и т.д. Уничжительная

характеристика стрельцов полностью отвечала концепции Соловьева о победе государственных начал над родовыми. Альтернативой стрельцам Соловьев считал полки «нового строя» и, в дальнейшем, армию Петра I. Историк сформировал негативную оценку стрельцов, следуя оценкам источников, например, «Дневнику» П. Гордона. При этом Соловьев не проводил исследование этого памятника, просто повторяя за автором-современником его выводы. Немаловажно, что единственным доступным историку вариантом «Дневника» был перевод Д.Е. Келлера, выполненный в 30-х гг. XIX в. в единственном экземпляре по указу Николая I¹. Келлер был чиновником Военного министерства, а не квалифицированным переводчиком и историком, вследствие чего эта работа не избежала многих неточностей и ошибок. Соловьев принял этот источник, как данность.

Именно такой подход сформировал общую традицию негативных оценок стрельцов в российской историографии. Они признавались «отсталыми» только потому, что цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович создали полки «нового строя», а В.В. Голицын и Петр I провели военные реформы. Раз появилось новое, значит, старое было плохим.

Негативная оценка московских стрельцов во второй половине XIX в. стала канонической. Например, в обобщающей статье публициста Н. Родиславского стрельцы прямо названы “родом войск Азиатским”, т.е. отсталым, в противовес передовой европейской армии Петра I.

В работе М.Д. Хмырова, члена Российского Военно-исторического общества, «антистрелецкая» линия получила дальнейшее развитие. Хмыров рассматривал московских и городских стрельцов как единую социальную группу. Историк не делал различий между стрелецким сословием и личным составом стрелецких приказов (позднее - полков). Хмыров считал стрельцов боеспособными, но склонными к бунту и уступающими солдатам «нового строя» по всем параметрам. Похожая точка зрения содержится в работах П.К.

---

¹Федосов Д.Г. Клинок, перо и «бунташное время» // Гордон П. Дневник 1659-1667. М.: Наука, 2002. С. 261-262.

Гудим-Левковича и П.О. Бобровского, видных представителей военно-исторической школы русской дооктябрьской историографии.

А.К. Баиов в первом выпуске своего многотомного труда, посвященного русскому войску XVII в., не вышел за рамки уже сложившейся «антистрелецкой» традиции, но обнаружил несоответствие фактов установившимся негативным оценкам. Исследователь обратил внимание на увеличение количества стрельцов к концу XVII в. и на сходство стрельцов и солдат.

Советская историография

В советский период точка зрения, признающая безусловную положительную оценку петровских реформ, была принята и получила дальнейшее развитие. Соответственно, была принята негативная оценка московских стрельцов. При этом в советской историографии, в отличие от дооктябрьской, московские стрельцы рассматривались в комплексе проблем русского войска XVII в., так и становились как предметом отдельного изучения. Среди работ советских историков, посвящённых эти вопросам, следует выделить труды А.В. Чернова, П.П. Епифанова, С.Л. Марголина, М.Д. Рабиновича.

В 1954 г. вышла работа А.В. Чернова, содержащая ретроспективный анализ развития вооруженных сил России с XV до конца XVII вв. Историк уделил московским стрельцам значительное внимание в своей работе, проследив их развитие от возникновения в 1550 г. до 1680-82 гг. Книга Чернова явилась значимой вехой в военной истории России XVII в., т. к. была первым и на долгое время единственным советским исследованием такого уровня и масштаба. Чернов полагал, что полки «нового строя» были новыми, а значит – лучшими, по сравнению с частями «старого строя», но никак не отразил критерии «устарелости», согласно которым стрелецкие приказы якобы потеряли свое значение по сравнению с солдатами «нового строя». Историк обосновывал тезис, согласно которому появление

регулярной армии в России не являлось результатом спонтанного решения Петра. Началом «регулярства» Чернов считал как раз полки «нового строя».

Работа Чернова стала своего рода универсальной энциклопедией русской военной истории XVII в. Все вопросы, поднимавшиеся в этой области исторического знания, так или иначе не выходили за рамки концепции Чернова. Историки, разрабатывавшие невоенную проблематику, использовали работу Чернова как справочник с окончательно установленными истинами.

П.П. Епифанов исследовал “Учение хитрости ратного строения пехотных людей” - один из старейших российских боевых уставов. В своей трактовке проблем, связанных со стрелецким войском, он повторил написанное Черновым и его предшественниками.

Работы С.Л. Марголина и М.Д. Рабиновича представляют особенный интерес. Необходимо отметить, что оба автора совершили первую попытку выхода за рамки “антистрелецкой” линии в историографии. Марголин рассматривал стрелецкое войско отдельно, не смешивая его, как Чернов, с другими родами войск, и привлекал не только традиционные источники, но и новый актовый материал.

Рабинович пытался установить некоторые пути преемственности армии царя Алексея Михайловича и армии Петра I, по линии московских стрельцов. К сожалению, ни С.Л. Марголин, ни М.Д. Рабинович не создали больших работ по истории русского войска XVII - нач. XVIII вв.

Отдельное место в историографии московских стрельцов занимают работы В.И. Буганова, исследовавшего социальные конфликты второй половины XVII в. Московские стрельцы участвовали в подавлении Медного бунта 1662 г., являлись прямыми участниками восстаний 1682 г. и 1698 г. Буганов рассматривал московских стрельцов и как часть стрелецкого сословия, и как отдельную внутрисословную корпорацию.

Заметную роль в утверждении негативной оценки московских стрельцов сыграли труды Н.И. Павленко о Петре I, в которых автор давал лишь беглую

характеристику стрельцов без каких-либо ссылок на источники. Павленко не делал различий между личным составом стрелецких подразделений и собственно стрелецким сословием, между московскими и городскими стрельцами. Московские стрельцы им названы «анахронизмом», но внятных обоснований такой оценки не приведено, и нет обоснования тезиса о «низкой боеспособности». Главной обязанностью стрельцов декларативно названы «полицейские и карательные» функции. При отсутствии ссылок можно только предполагать, на какие источники опирался историк. В характеристике заметен пересказ записок Г.К. Котошихина с опорой на некоторые актовые материалы. Обращает на себя внимание сильное историографическое влияние С.М. Соловьева и А.В. Чернова, в частности, повторение соловьевского тезиса о «полицейских функциях». Павленко фактически дублировал выводы Соловьева и Чернова, не проводя никакой проверки эмпирических данных.

Современная² историография

В советской исторической науке вопросы, связанные с московскими стрельцами, после работ Чернова, Марголина и Рабиновича считались в целом решенными. Отказ от идеологии и введение в научный оборот множества ранее неизвестных источников позволили современным исследователям начать работу по ревизии историографических штампов.

Книга В. В. Волкова представила новый взгляд на развитие вооруженных сил России. По мнению историка, Россия в 40-е гг. XVII в. начала балансировать между эффективными и дорогими родами войск и массовыми, более дешевыми. В результате получилась цепь компромиссов, как, например, в случае с эффективными и надежными, но экономически дорогими и невыгодными московскими стрельцами и дешевыми для казны, но средне обученными и слабо мотивированными солдатскими полками. Волков не отказывал московским стрельцам в признании их боеспособности, считал их неотъемлемой частью вооруженных сил России.

---

²С 1991 г. и до настоящего времени.

Книга А.В. Малова, посвященная Выборным солдатским полкам «нового строя», затронула вопросы социального положения московских стрельцов, т.к. стрельцы и Выборные солдаты вместе составляли элиту русской пехоты второй половины XVII в. Историк поднял вопрос «служилого платья» - униформы стрельцов и Выборных солдат, а также коснулся проблемы регулярной армии в допетровской России.

И.Б. Бабулин посвятил боевому пути московского стрелецкого приказа В. Пушечникова отдельную статью, в которой прослеживал участие стрелецкого приказа в сражениях Тринадцатилетней, русско-шведской, русско-турецкой войн и подавлении восстания Степана Разина. Исследователь декларировал элитный статус московских стрельцов, переключаясь с работой Малова.

М.Ю. Романов создал общий очерк истории московских стрельцов от момента формирования первых приказов в 1550 г. до последнего стрелецкого бунта 1698 г. Большое внимание Романов уделил деятельности Стрелецкого приказа как административного органа, а также топографии московских стрелецких слобод. К сожалению, автор повторил почти весь набор стереотипов «петровской» историографии, сосредоточил свое внимание на участии стрельцов в политических интригах в конце XVII в., оставив в стороне вопросы подробного изучения участия стрельцов в боевых действиях. Также немаловажно, что Романов не задействовал в своем исследовании архивные материалы.

Сравнительный анализ развития вооруженных сил России, Западной и Восточной Европы XVII в. дал в своей книге В.В. Пенской, который, как и Баиов, обнаружил расхождение между фактами, свидетельствующими о высокой боеспособности стрельцов и сложившейся «антистрелецкой» историографией. Пенской, вслед за Соловьевым, Баиовым и Черновым, повторил тезисы об «устарелости» московских стрельцов. Историк рассматривал стрельцов обобщенно, как единое сословие, не выделяя московский корпус. Следует отметить, что Пенской основывал свою работу

на обобщающих трудах европейских историков. Аналогичных работ по истории русского войска, в т.ч. и московских стрельцов, до настоящего времени нет, кроме книг Хмырова, Баиова, Гудим-Левковича, Бобровского и Чернова. Опора на устаревшие данные этих историков обусловили точку зрения Пенского.

Статья Р. Паласиос-Фернандеса представляет собой общий очерк об организации, вооружении и обмундировании московских стрельцов, и для своего времени являлась событием в стрелецкой историографии, т.к. до Р. Паласиос-Фернандеса советские исследователи к вопросам истории военной формы допетровской Руси практически не обращались. Тема стрелецкой униформы получила развитие в работе С. Летина. Несомненным достоинством и заслугой автора стало введение в широкий научный оборот данных «Белокуровского списка» и материалов «Записной книжки военного человека».

Вопросы, связанные со стрелецкой униформой, стали основой для нескольких исследований, научно-практических опытов и темой двух научных конференций в ГИМ, созванных в рамках деятельности семинара «Реконструкции культурного наследия». Такой интерес к униформологическим аспектам проблемы московских стрельцов продемонстрировал, что многие спорные вопросы в военной истории России XVII в. до настоящего времени остаются открытыми.

Историографический анализ позволил определить уровень исследованности вопросов, связанных с московскими стрельцами, выявить проблему определения боеспособности и установления критериев боеспособности московских стрельцов.

Источниковедческая основа диссертационного исследования

Работа основана на данных, извлеченных из письменных источников, среди которых задействованы как опубликованные, так и неопубликованные из фондов РГАДА. Большинство архивных источников вводится в научный оборот впервые.

Одну из наиболее важных источников групп составили документы фонда “Приказ Тайных дел”, содержащие информацию об организации московского стрелецкого корпуса, порядке несения боевой и гарнизонной службы, обеспечении жалованьем, и т.д. До конца 70-х гг. XVII в. московские стрелецкие приказы находились под юрисдикцией непосредственно Приказа Тайных дел – личной канцелярии царя Алексея Михайловича. Многие вопросы, связанные с различными аспектами службы московских стрельцов, контролировались и решались лично царём.

Важную информацию о стрелецких командных чинах, переброске стрелецких приказов на различные участки театра военных действий и отводе на отдых, различных видах жалованья удалось извлечь из материалов фонда “Разрядный приказ”, вобравшего в себя архив главного военного ведомства России XVII в.

Интересную группу источников составили документы фонда “Малороссийский приказ”, среди которых - письма воевод, гетманов Украины, отписки стрелецких голов, отписки о снабжении московских стрелецких приказов боеприпасами и провиантом, указы, регулировавшие порядок “годовой службы” московских стрельцов на Украине.

Источники, извлечённые из фонда “Приказ Оружейной палаты” - записные памяти, отписки, челобитные – позволили изучить информацию об источниках комплектования, условиях повышения по службе, наградах, взаимоотношениях и обязанностях стрелецких чинов, сведения о внеслужебной деятельности московских стрельцов, связанной с хозяйственными занятиями: торговлей, ремеслом, промыслами.

Среди опубликованных источников для настоящего исследования наибольшую важность составили: 1) памятник русского законодательства XVII в. “Соборное Уложение” 1649 г. Как основной правовой кодекс Московского государства, “Соборное Уложение” отразило самые различные аспекты социального статуса московских стрельцов; 2) сборники документов «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией»

и «Акты Московского государства», издававшиеся в середине – второй половине XIX в., содержание которых составили документы, не вошедшие в архивные фонды и обнаруженные сотрудниками Археографической комиссии; 3) сборник документов «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», в который вошли документы, содержащие информацию о ротации московских стрельцких приказов, о контрпартизанских операциях и полевых сражениях с повстанцами, о моральном облике, стойкости и дисциплине стрельцов; 4) сборник документов «Восстание в Москве 1682 года», документы которого позволили установить причины, побудившие московских стрельцов к участию в политическом противостоянии Нарышкиных и Милославских; 5) сборник документов «Восстание московских стрельцов. 1698 г.», составленный из материалов следственного дела, что сделало возможным изучение причин, характера и масштаба последнего стрельцкого бунта.

Следует также выделить записки современников - «О России в царствование Алексея Михайловича» Г.К. Котошихина и «Дневник» П. Гордона, а также старинный устав «Учение хитрости ратного строения пехотных людей».

Очерк Котошихина представляет собой отчет русского перебежчика, выполненный по заказу шведского правительства и содержит подробное описание государственной структуры России второй половины XVII в. Источник неоднократно публиковался, но подробное археографическое исследование текста было предпринято только в 2000 г. Г.А. Леонтьевой.

«Дневник» П. Гордона впервые был издан в России в виде перевода с немецкой копии английского оригинала, долгое время переиздавался и цитировался по этому изданию. В 2000 г. Д.Г. Федосов осуществил подробный перевод английского оригинала на русский язык и впервые издал весь «Дневник» полностью, исправив ошибки и неточности прежнего перевода.

Устав “Учение хитрости ратного строения пехотных людей”, созданный Иеронимом Вальгаузенем и переведенный на русский язык, является сборником выдержек из различных европейских полевых уставов нач. - середины XVII в. Единственным исследователем этого памятника был П.П. Епифанов.

Исследование источников позволило определить критерии, уровень и динамику изменений боеспособности московских стрельцов во второй половине XVII – начале XVIII вв.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования

В результате проведенного исследования обеспечено приращение знаний по истории московского стрелецкого корпуса во второй половине XVII – начале XVIII вв. Выявленные данные и полученные выводы могут быть использованы как для дальнейших исследований, так и в учебном процессе. В научный оборот введены новые источники.

Степень достоверности и апробация результатов:

Диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России Средневековья и раннего Нового времени Историко-Архивного института Российского государственного гуманитарного университета. Отдельные положения работы были представлены на Гуманитарных чтениях РГГУ 2015 г. и в ряде публикаций.

II. Основное содержание работы:

Структура диссертации

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, справочного аппарата и библиографии.

Глава I. Критерии боеспособности московских стрельцов

В первой главе настоящего исследования дано определение термина «боеспособность» с точки зрения царской администрации, выявлен набор морально-этических и профессиональных требований, предъявлявшихся московским стрельцам со стороны командования; выявлена специфика профессиональной подготовки московских стрельцов; установлены

различные аспекты социального положения, комплектования и особенности социального обеспечения московских стрельцов второй половины XVII в.

Царская администрация предъявляла к боеспособности московских стрельцов шесть морально-этических и три профессиональных требования.

Самым главным было требование безусловной верности присяге вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств. Московские стрельцы должны были быть готовы выполнить любой, даже самый необычный или невозможный, приказ царя и своих командиров, не отступать, не бежать со службы и с поля боя и не сдаваться в плен по собственному почину. Вторым по значению было требование стойкости на поле боя при любом варианте развития событий. Третье требование, дисциплина, должен был обеспечивать выполнение первых двух. Четвертое требование, служба прежде личной выгоды, выдвигалось для ограничения предпринимательской деятельности московских стрельцов как представителей своего сословия, умевших использовать преимущества своего социального и служебного положения. Пятое требование, происхождение, было самым условным из всех. В московские стрельцы не зачисляли только иноземцев в первом поколении и иноверцев, хотя к 1700 г. это правило уже не соблюдалось.

Профессиональные требования к боеспособности московских стрельцов включали в себя умение быстро и метко стрелять, знание пехотной тактики, а также надлежащий уровень физической подготовки и состояние здоровья, позволявшие нести стрелецкую службу. Специальные требования по владению холодным оружием и навыками рукопашного боя не выдвигались.

Социальное положение московских стрельцов было максимально адаптировано для успешного соответствия указанным выше требованиям. Московские стрельцы регулярно получали денежное, хлебное и суконное жалованье вместо пахотных земель, и это обуславливало высокий уровень мобильности всего корпуса. Также стрельцы пользовались значительными налоговыми и судебными льготами. Государство обеспечивало стрелецкие семьи в случае гибели или попадания в плен кормильцев, регулярно

выплачивало пособия раненым и увечным, материально поддерживало последних и семьи погибших, организовывало и оплачивало лечение раненых. Пополнение московских приказов осуществлялось как естественным способом, за счет стрельцких семей, так и более приоритетным для власти путем зачисления в московский корпус солдат-ветеранов, специально отобранных «даточных людей» и лучших городских стрельцов.

Жалованье являлось не просто основой благосостояния московских стрельцов, а вещественным доказательством благоволения морально-политической константы – Государя.

На практике требования к боеспособности московских стрельцов сокращались до верности присяге, стойкости и умения быстро и метко стрелять. Установить, являются ли эти требования критериями боеспособности, и соответствовали ли им московские стрельцы, возможно только путем анализа динамики развития московского корпуса во второй половине XVII – начале XVIII вв. и участия московских стрельцов во всех основных сражениях с 1655 г. до 1709 г.

Глава II. Боеспособность московских стрельцов в 1655-1661 гг.

Во второй главе показана динамика развития московского корпуса в 1655-1661 гг., а также прослежены участие московских стрельцких приказов во всех основных сражениях Тринадцатилетней и русско-шведской войн и изменения в системе комплектования личного состава.

Весной 1655 г. командование полностью перестроило московский стрельцкий корпус, понесший значительные потери в ходе кампании 1654 г. и эпидемии чумы. После этого сложилось негласное деление на приказы «первого» и «второго десятка». Первые направлялись в действующую армию или в состав гарнизонов крупных приграничных военных баз, вторые несли службу внутри государства. Именно внутренняя служба в Москве и по городам дала основание исследователям упрекать московских стрельцов в «превращении в полицейскую силу» и «утрате боеспособности».

В 1655-1661 гг. московские стрельцы участвовали во всех основных сражениях (кроме битвы при Кушликовых горах). Оборона Могилева и Витебска, штурм Динабурга, осада Риги, «Щекавчищина» - оборона Киева, битва при с. Верки, штурм и осада Конотопа, битва под Конотопом (третий этап битвы), битва под Полонкой, битва на р. Бася (при с. Губарево), битва на р. Суя являются примерами стойкости и выучки московских стрельцов. На основании этих фактов можно уверенно утверждать, что требования командования к боеспособности московских стрельцов являлись критериями боеспособности московского стрелецкого корпуса.

Глава III. Боеспособность московских стрельцов в 70-е гг. XVII в.

В третьей главе приведен анализ динамики развития московского корпуса в 70-е гг., а также изучено участие московских стрельцов в русско-турецкой войне 1672-1681 гг. и развитие практики пополнения приказов за счет солдат-ветеранов.

В 1670-1680 гг. в московском стрелецком корпусе шел процесс усиления личного состава за счет зачисления ветеранов солдатских полков «нового строя». Различий между стрельцами и солдатами в комплексе вооружения, уставах и системе подготовке не существовало, поэтому слияние проходило без осложнений.

Во время Первой Чигиринской кампании московские стрельцы находились в составе гарнизона осажденной крепости. В ходе турецкой осады стрельцы, наряду с другими подразделениями гарнизона, вели активную контрбатарейную и противоминную борьбу, регулярно участвовали в вылазках на турецкие траншеи. Во Второй Чигиринской кампании московские приказы состояли и в гарнизоне, и в полевой армии боярина Ромодановского, проявили себя в обороне города и в сражении за Стрельникову гору. Во время обороны Чигирин стрельцы защищали выделенные им участки городских укреплений, регулярно ходили на вылазки, как и во время первой осады.

Критерии боеспособности стрельцов в 1670-80-е гг. не изменились.

Глава IV. Московские стрельцы во внутренних конфликтах второй половины XVII в.: Медный бунт и восстание Степана Разина.

В четвертой главе проанализировано участие московских стрельцов в подавлении Медного бунта 1662 г. и восстания Степана Разина 1670-1671 гг., самых крупных социальных конфликтах второй половины XVII в.

Во время Медного бунта 1662 г. московские стрельцы защищали царя и его семью. По приказу монарха стрельцы атаковали мятежников и подавили восстание.

Восстание Степана Разина стало жестокой проверкой лояльности московских стрельцов. Московские стрельцы составили костяк обороны Симбирска, который разинцы не смогли взять ни штурмом, ни осадой. Московские приказы продемонстрировали свою стойкость и верность присяге в решающем сражении под Симбирском и в контрпартизанской борьбе в Среднем Поволжье.

Глава V. Боеспособность московских стрельцов в 80-е гг. XVII в. – нач. XVIII в.

В пятой главе проанализированы причины и факты участия стрельцов в восстаниях 1682 г. и 1698 г., а также прослежена динамика развития корпуса в конце XVII - начале XVIII вв.: участие московских стрельцов в Крымских походах В.В. Голицына, Азовских походах Петра I, Северной войне 1700-1721 гг. и процесс интеграции в новую армию вследствие петровской военной реформы.

Военная реформа В.В. Голицына оказалась неудачной для московского стрелецкого корпуса. Князь, воспринимавший пехоту как второстепенный род войск, сэкономил на московских стрельцах. Голицын провел унификацию чинов и званий русской пехоты, чем понизил стрельцов до уровня солдат, уничтожил привилегии, жалованье и социальное обеспечение московских стрельцов. Это привело к волнениям, в ходе которых московские стрельцы были использованы в борьбе придворных группировок. Московский корпус участвовал в Крымских походах В.В. Голицына и

пережил ротацию, во время которой полки, наиболее активно участвовавшие в событиях 1682 г., были переведены из столицы в центры военных округов. Произошло перемешивание личного состава московских и городских стрелецких полков, что значительно облегчило в дальнейшем переход стрельцов в солдаты. Критерии боеспособности стрельцов изменились. После восстания 1682 г. командование по-прежнему требовало стойкости и меткой стрельбы, но верность стрельцов присяге подвергалась сомнению.

Петр I осуществил те необходимые преобразования, которые не смог сделать В.В. Голицын. Царь-реформатор смог превратить русскую пехоту в главную ударную силу на поле боя в соответствии с линейной тактикой, не отвергая, а учитывая и максимально используя все ресурсы русской армии, в т.ч. и московских стрельцов. Солдатам были предоставлены некоторые стрелецкие привилегии – униформа, налоговые льготы и т.д. Опыт элитных внесловных частей - московских приказов и Выборных полков был учтен при создании гвардии. Верность, стойкость и умелая стрельба, ранее считавшиеся отличительным признаком московских стрельцов, стали обязательными для всей пехоты. Азовские походы и Северная война помогли стрельцам реабилитироваться в глазах царя и интегрироваться в новую армию. Восстание четырех полков 1698 г. не было масштабным выступлением всего московского корпуса и не оказало большого влияния ни на переход стрельцов в солдаты, ни на боеспособность стрелецких полков. Это подтверждают факты участия московских стрельцов в Северной войне: в битве под Нарвой, при Эрестфере, при Гуммельсгофе, под Салатами, при Якобштадте, при Фрауштадте, под Клецком, при Опошне в составе Каргопольского пехотного полка, под Полтавой в составе Ренцелева, Ямбургского и Каргопольского полков. Подвиг Ренцелева (Саксонского) полка в битве при Фрауштадте и стойкость Ямбургского полка при обороне полтавских редутов являются наиболее яркими примерами боеспособности московских стрельцов в Северной войне.

Заключение

В заключении приведены выводы настоящего исследования.

На основании анализа источников, как опубликованных, так и впервые введенных в научный оборот, автор пришел к следующим выводам о динамике изменений боеспособности московского стрелецкого корпуса во второй половине XVII – начале XVIII вв.:

1) Исследование показало, что царская администрация во второй половине XVII – начале XVIII вв. понимала термин «боеспособность» как сочетание верности присяге, стойкости, здоровья и отличной выучки, что совершенно не совпадает с толкованием этого термина, принятого в трудах исследователей под влиянием «антистрелецкой» историографии. Указанные признаки являлись не только требованиями командования, но и критериями боеспособности московских стрельцов.

2) Согласно данным источников, социальное положение московских стрельцов было двойственным: стрельцы являлись личным составом московских приказов и одновременно были полноправными членами стрелецкого сословия. Комплектование московских приказов во второй половине XVII в. осуществлялось за счет стрелецких семей и посредством верстания в московские лучших городских стрельцов и солдат. Московские стрельцы регулярно получали денежное, хлебное и суконное жалованье вместо пахотных земель, и это обуславливало высокий уровень мобильности всего корпуса.

3) Данные исследования динамики развития московского корпуса и участия московских стрельцов во всех основных сражениях 1655-1709 гг. позволяют утверждать, что во второй половине XVII - начале XVIII вв. критерии боеспособности претерпевали некоторые изменения, но московский корпус сохранял и поддерживал высокий уровень боеспособности.

4) Во время Тринадцатилетней и русско-шведской войн в московском стрелецком корпусе сложилась и получила развитие практика пополнения

личного состава ветеранами за счет зачисления заслуженных воинов из солдатских полков «нового строя». Между стрельцами и солдатами не существовало различий в комплексе вооружения, уставах и системе подготовки, поэтому слияние проходило без осложнений. Командование сохраняло кадры обученных и обстрелянных пехотинцев, солдаты переходили в служилое сословие из податного, московские стрелецкие приказы получали опытное пополнение, что повышало уровень их боеготовности.

Военная реформа В.В. Голицына требовала средств. Поэтому князь сократил расходы казны на московских стрельцов, что привело к открытому восстанию. После победы Петра над Софьей стрельцы утратили репутацию безусловно верных присяге, но продолжали служить.

Власть никогда не считала московских стрельцов устаревшими и небоеспособными и не противопоставляла стрельцов и солдат «нового строя». Более того, государство было заинтересовано в слиянии этих видов русской пехоты. Процесс такого слияния и превращения московского стрелецкого корпуса во внесословное соединение начался в 1655 г., после массового перевода городских стрельцов в московские и продолжился до воцарения Петра I за счет практики зачисления солдат-ветеранов в стрельцы. В ходе петровской военной реформы стрельцы, фактически ничем не отличавшиеся от полков «нового строя», окончательно перешли в солдаты, не утратив своей боеспособности. Боевой опыт, накопленный московским стрелецким корпусом, стал достоянием всей русской пехоты нач. XVIII в.

Положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1) статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК Минобрнауки РФ:

Писарев А.Е. Московские стрельцы: культурный стереотип и реальность самосознания // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение», 2016. № 7 (16). С. 47-67.

Писарев А.Е. Стрелец московский. Социально-антропологический тип // Родина. 2014. № 9. С. 60-63.

Писарев А.Е. У “государева стремени“. Московские стрельцы в середине – второй половине XVII в. // Преподавание истории в школе. 2012. № 7. С. 38-48.

Писарев А.Е. “Из самопалов стрелять ловки”. Реконструкция тактических действий пехотных подразделений по уставам XVII века // Преподавание истории в школе. 2013. № 8. С. 34-39.

2) статьи в других изданиях:

Писарев А.Е. Служилое платье московских стрельцов по изобразительным источникам XVII в. // Армии и битвы. Военно-исторический альманах. 2009. № 11. С. 20-24.

Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты, середина – вторая половина XVII в. // Армии и битвы. Военно-исторический альманах. 2008. № 9. С. 15-29.

Писарев А.Е. Военная одежда и вооружение московских стрельцов // Рейтар. 2005. № 17 (5). С. 50-62.

Писарев А.Е. Московские стрельцы в социальных конфликтах XVII в. // Рейтар. 2005. № 14 (2). С. 54-61.

Писарев А.Е. Феномен верности престолу // Рейтар. 2004. № 10 (7). С. 31-39.

Писарев А.Е. Военная организация корпуса московских стрельцов // Рейтар. 2004. № 8 (5). С. 33-40.

Писарев А.Е. Караульная служба московских стрельцов // Рейтар. 2004. № 4 (1). С. 240-243.